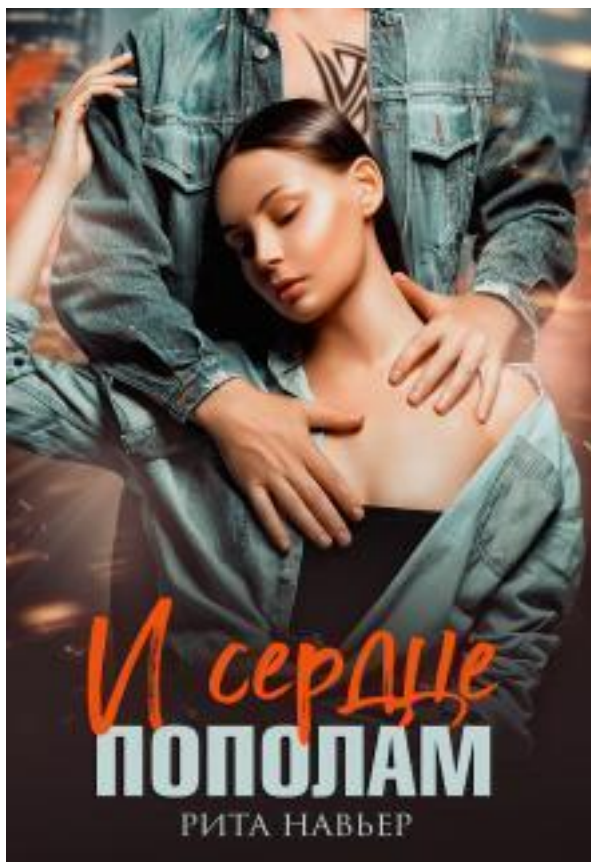

Рита Навьер

И сердце пополам

<https://litres.ru/74320268>

Аннотация

Прогуливаешь занятия в универе? Тогда жди серьёзных проблем вплоть до отчисления. Особенно если преподаватель у тебя – сушая мегера, а ты – 20-летний красавчик-ловелас. Но у мегеры есть милая и скромная дочка...

Новая история:

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	23
5	28
6	32
7	37
8	41
9	46
10	52
11	58
12	63
13	68
14	73
15	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

1.

- Глеееб, - интимным полушёпотом протянула Оксана. Лёжа на боку и подперев голову рукой, она вычерчивала пальцем узоры у него на груди.

- Эмм, - сонно отозвался он, не разлепляя век.

И так всегда: после секса он почти сразу засыпал. Раньше ещё как-то крепился, а теперь даже и не пытается. Хотя и ненадолго совсем, но ведь в самый неподходящий момент.

Пожалуй, это единственное, что раздражало в нём Оксану, потому что ей-то, наоборот, хотелось задушевных разговоров, нежности, волнующих откровений. А он... ну самое большее - мог чмокнуть в щёку перед тем, как уснуть. А она, ещё на взводе, разгорячённая, с бешено колотящимся сердцем, оставалась одна, хотя не одна, конечно, но...

И вроде это мелочь, однако мелочь какая-то обидная.

Вишнёвым ноготком Оксана чувствительно зацепила его сосок. Глеб мелко вздрогнул, слегка поморщился, длиннющие, чуть спутанные чёрные ресницы дрогнули, но всё равно, гад, не проснулся. Впрочем, кое-что его могло разбудить. Оксана опустила руку ниже...

Их с Глебом отношения длились уже четыре месяца. Хотя

эти встречи, тайные и не слишком частые, трудно назвать отношениями в привычном смысле.

«У нас с ним только секс, - делилась она с лучшей подружкой. - Без всяких там заморочек. Просто хочу нагуляться до свадьбы, чтобы потом было что вспомнить».

Глеба Оксана заметила ещё в сентябре, практически сразу, как только устроилась преподавателем на кафедру культурологии.

Вообще, ей всегда нравились красивые, видные и уверенные в себе парни. Нет, на шею она никому, естественно, не вешалась, для этого она слишком хорошо воспитана, да и цену себе знает - тоже ведь далеко не дурнушка. Даже знакомиться первая не стала бы. Однако полюбоваться со стороны, чуточку пофантазировать - почему бы нет?

Она часто встречала Привольнова в университетской столовой, в коридорах, в холле, у стенда с расписанием. Наблюдала украдкой. За ним приятно было наблюдать.

Среди сокурсников он выделялся, особенно внешностью, которую не портил лёгкий налёт неформальщины - пирсинг в ухе, связка кожаных браслетов на запястье и прочие несерьёзные мелочи. Ну и его манера держаться - уверенно, расслабленно и благодушно - тоже обращала на себя внимание.

Он, конечно, нарцисс. Купается в восхищённых девичьих взглядах и получает удовольствие, это заметно. Перед зеркалом, правда, не крутится, но если, проходя мимо, ловит своё отражение, то явно остаётся доволен. Также заметно.

И весь его образ, начиная от взъерошенных чёрных кудрей и заканчивая потёртыми конверсами, только на первый, беглый взгляд казался небрежным. Но присмотришься и видно: Привольнов за собой очень следит и очень ухаживает. Вот и небрежность в стрижке рукотворная - дань моде, хотя ему очень идёт, и шмотки пусть неброские, но исключительно брендовые, и потёртости - всего лишь эффект. И такой весь из себя опрятный. Поглядишь на его друзей: брючины забрызганы, кроссовки в грязи - всё-таки осень, дожди, слякоть. А у этого - ни пятнышка. Прямо мальчик с обложки глянцевого журнала.

Заводить с ним роман Оксана поначалу не думала даже. Ну да, он притягивал взгляд, нравился эстетически, но вот его расслабленность в движениях, блуждающая полуулыбка, скользящий незаинтересованный взгляд, в общем, всё это не слишком-то возбуждало.

Возможно, ничего и не случилось бы между ними, но однажды она заглянула в университетский спортзал.

На самом деле, Оксана на тот момент уже вовсю встречалась с физруком Валерой. Страсти там особой не было, но всё лучше, чем ничего. Одиночество она совсем не переносила, а физрук - не самый плохой вариант.

К Валере тогда Оксана и забежала по какому-то пустяку. Того на месте не оказалось, куда-то вышел, зато по спортзалу носился табун третьекурсников - парни играли в баскетбол.

Оксана, морщась от опасения, что эти здоровенные лбы в

азарте могут если не затоптать, то сбить её с ног, поспешила уйти, но почему-то в дверях оглянулась. И оглянулась в ту самую секунду, когда мимо неё промчался, ведя мяч, Привольнов.

Не отдавая себе отчёта, Оксана так и застыла на пороге, жадно глядя на гибкое, сильное, разгорячённое тело. Потом спохватилась, смутилась, но уходить не пожелала. Присела на ближайшую лавочку. Чуть в стороне за игрой наблюдали восторженные студентки. Не хотелось им уподобляться, но с другой стороны - она-то как раз имеет полное право тут находиться, она пришла к своему, можно сказать, жениху и просто ждёт его возвращения.

Игра захватила её полностью. Нет, за счётом она не следила, даже не поняла, кто против кого играл. Её внимание приковывал один лишь Глеб.

Таким она Привольнова ещё не видела и даже не представляла себе, что он может быть таким - ловким, энергичным, стремительным. Глаза горели бешеным огнём, взмокшие волосы чёрными колечками липли ко лбу, под смуглой кожей играли налитые мускулы.

Оксана следила за ним как зачарованная. Когда Привольнов проносился мимо, обдавая ветерком, у неё захватывало дух. А когда он, подпрыгивая, забрасывал трёхочковый, чёрная майка уползала вверх, обнажая полоску пресса.

И эта малость подействовала на неё одуряюще. В голову сами собой полезли назойливые стыдные мысли и фантазии,

а внизу живота сгустилось горячим комом желание.

Оксана тогда осталась до конца игры, хотя несколько раз говорила себе: уходи от греха подальше. Но почему-то продолжала сидеть и смотреть. Наваждение какое-то.

После игры Привольнов взял у кого-то бутылку с Бон Аквой и припал к горлышку. Пил он долго, жадно, запрокинув голову как горнист, а у Оксаны от этого зрелища наоборот пересохло во рту. Напившись, он вытер губы тыльной стороной руки и вразвалочку пошёл к дверям. Проходя мимо, неожиданно посмотрел прямо на неё. И не просто посмотрел, а будто взглядом одновременно раздел её, заценил и сделал совершенно непристойное предложение.

По-хорошему стоило бы возмутиться от такого нахальства, но внутри всё предательски задрожало. Она смущённо закусил губу, подозревая, что он наверняка просёк и её мысли, и её желания. И как будто ответил ей, что и сам не прочь. И тут Привольнов едва заметно улыбнулся и подмигнул, тем самым подтвердив, что да, так оно и есть - просёк и не прочь.

В следующий раз они встретились в университетской столовой. Случайно оказались рядом в очереди на раздаче. Привольнов стоял прямо перед ней и не сразу её заметил. Потом обернулся, поздоровался - между прочим, впервые, - но посмотрел при этом так, что её тотчас кинуло в жар. И ум у неё, видимо, совсем затуманился, иначе как объяснить, что взяла она гречневую кашу, которую на дух не переносит?

А перед самой кассой, он вдруг наклонился к ней и негромко произнёс:

- Может, встретимся?

Не самое романтическое предложение, конечно. Да вообще оскорбительное, как-никак она - преподаватель, он - студент. Стоило бы окатить его ледяным взглядом и высказать что-нибудь строгое, отрезвляющее, а ещё лучше ядовитое, чтобы не зарывался. Но внутри проснулась уже знакомая дрожь, а жар прихлынул к щекам, выдавая её с потрохами.

Оксана пожала плечами, мол, почему бы и нет.

В тот же день они приехали к ней, на съёмную квартиру. А куда ещё? Не к нему ведь в общежитие заявиться.

Если бы он разочаровал её тогда, ну или хотя бы просто оказался самым обычным, было бы намного легче. Она бы просто на этом всё прекратила без малейшего сожаления и спокойно жила бы дальше, вполне довольствуясь своим Валерой. Но этот смазливый черноглазый мерзавец довёл её до иступления. Сам заводился с пол-оборота и её заводил мгновенно, казалось, ничего особенного для этого и не делая. Просто взглядом, касанием, голосом. В его руках она изнывала и плавилась, а он словно чувствовал, что ей нравится, чего и как хочется, неведомым образом угадывая её самые потаённые желания.

Поначалу встречались они раза три в неделю, всегда у неё. Потом почему-то стали реже... У него постоянно возникали дела, то одни, то другие.

Раньше, до их знакомства, Оксана досадовала, что культурологию в его группе ведёт не она, а Фурцева, заведующая кафедрой, теперь же радовалась - и слава богу. Иначе пришлось бы вести пары и постоянно держать контроль, постоянно делать вид, что между ними ничего нет, а актриса из неё не самая талантливая. Ей и так приходилось притворять-

ся с Валерой.

Кроме лучшей подруги про их связь не знал никто. На секретности настояла Оксана. Привольнов только равнодушно пожал плечами по этому поводу - мол, ему всё равно. Пусть всё будет тайком, раз ей так хочется.

Ему и правда было всё равно. Собственно, ему-то чего опасаться? Он - кот, который гуляет сам по себе. Никому ничего не должен. Он ей и напоминает частенько кота, вальяжного, обласканного и нахального. Вон и двигается по-кошачьи - неспешно, даже лениво, но при этом с плавной грацией.

Впрочем, сама себе Оксана тоже напоминала кошку, только голодную. И этот их кошачий дуэт тщательно скрывала. Потому как её, молодого преподавателя, за связь со студентом по головке не погладят. Пусть она у Привольнова и не ведёт, но в случае чего это будет бледным оправданием в глазах общественности. А уж если об этом прознает воинствующая моралистка Фурцева... даже представлять такой стыд не хочется. Это страшило, наверное, ничуть не меньше, как если бы про Глеба узнал Валера.

А вот с ним как раз всё складывалось серьёзно. Валера даже начал поговаривать о женитьбе. И рвать с таким надёжным, обстоятельным, проверенным ради смазливой мальчишки было бы невероятной глупостью.

Но и отказаться от этого запретного удовольствия пока никак не получалось. Хотя Оксана понимала - надо. Вообще и начинать не стоило. Нехорошо это, неправильно и даже

подлю. По отношению к Валере подлю.

Она настраивалась, неоднократно давала себе зарок остановиться, но стоило лишь столкнуться с Привольновым в коридорах университета, поймать его обволакивающий взгляд, еле заметную улыбку, и вся решимость таяла моментально.

От одного его нечаянного прикосновения внутри вибрировало. Ну как тут устоишь? Иногда он ещё и подмигивал, мерзавец, и смотрел так, что всё яснее ясного. Оксана испуганно озиралась - не увидел ли кто. Вспыхивала от смущения, злости и внезапного желания. Если же долго не виделась, сама начинала томиться, маяться, потом срывалась. Звонила, звала. Врала Валере, загоняя угрызения совести поглубже.

У нас с ним только секс и ничего больше, всё чаще твердила Оксана мысленно, словно пыталась убедить себя, что больше ничего ей и не надо. Для всего остального у неё есть Валера, спокойный, уютный, родной, а не этот кот-сам-по себе.

Ну да, её тянуло к нему, да, не хватало, но это всё дуррацкая физиология. Не более. И то, что она последние две недели ходила в дурном настроении, потому что Глеб никак не мог (или не хотел?) к ней выбраться, - тоже явление физиологическое. Такое, как, допустим, голод. Или как потребность курить у курильщиков.

Ей не именно Глеба не хватает, внушала себе Оксана, а секса, хорошего, качественного секса, к которому она при-

выкла. С Валерой, уж будем честны, это дело напоминало спринтерский забег, и при всех достоинствах тут её жених безоговорочно проигрывал Привольнову.

Вчера Оксана не выдержала - позвонила и спросила в лоб: что не так? Почему он всё время отказывается приехать? Какие у него, студента, могут быть дела? И откуда их столько вдруг навалилось?

Она ожидала, что мальчишка начнёт увиливать. Плести про очередные какие-нибудь проблемы, а она тотчас почувствует фальшь. Это ведь всегда чувствуется.

Она вообще подозревала, что Глеб нашёл себе другую дуру, ну или другая дура нашла его. Вот он и сочиняет про то, что страшно занят, потому что правду сказать мужества не хватает. Все они такие - боятся выяснять отношения и предпочитают избегать встреч, пока надоевшая подружка сама не догадается и не отстанет. И в общем-то, верности от него Оксана не ждала, на это нелепо было бы рассчитывать, тем более сама обозначила их отношения как тайную связь без обязательств. Но... от одной мысли, что Глеб с кем-то, пока она тут мается, что отказывает ей, предпочтя другую, становилось до боли обидно.

Привольнов сначала отмалчивался да отнекивался: всё у него в порядке, ну просто занят, учёба и другие дела.

- Какие другие?

- Да разные всякие.

- А голос почему такой нерадостный?

- А разве всегда радостный?
- Всегда нормальный.
- Ну и сейчас нормальный.

Оксана злилась, психовала. Ляпнула лишнее про то, что забыл он её совсем, поматросил и бросил. И тут же страшно пожалела о своих словах. Только канючить не хватало. Взяла себя в руки и спокойно, даже сухо произнесла:

- Ладно, Привольнов. Всё мне с тобой ясно. Делай свои дела. Больше не побеспокою.

Надо было по логике сразу дать отбой, но она замерла, словно прощаясь... Глеб тоже не стал завершать звонок. Протяжно вздохнув, вдруг признался:

- Да мне правда не до этого сейчас. Проблемы у меня серьёзные. Точнее, одна. И имя ей - Фурцева.

Фальши Оксана, кстати, не почувствовала. И всю её злость как рукой сняло.

- Ну, приезжай. Может, смогу чем помочь.

Он согласился, правда, без былого энтузиазма. Но, может, и правда для энтузиазма просто нет настроения. Фурцева кого хочешь вгонит в хандру.

И всё же назойливо и противно свербела неприятная мысль: докатилась, зазывает любовника, точно престарелая матрона, покупающая жиголо. Боялась, что без этого «смогу помочь» он больше не прельстится? Нет, так думать о себе было невыносимо.

Оксана строго сказала себе: «Я просто хочу ему помочь,

действительно помочь, без всяких там... Не чужой же».

Глеб приехал к ней поздно, после десяти. С виду и не скажешь, что сильно удручён. Разделся, скинул ботинки, скрылся в ванной. Две недели не был, а явился - и чувствует себя как дома. Поразительная самоуверенность! Затем попил чай с бутербродами и сразу в постель.

И всё было прекрасно, даже восхитительно, но Оксану не покидало чувство, что он старается. Нет, раньше он тоже о ней не забывал, стремился доставить удовольствие, но это выходило как-то естественно, и удовольствие было обоюдным. А сейчас как будто выполнял работу, старательно, прилежно, пытаясь добиться лучшего результата и добивался, конечно, но...

А может, Оксане это просто мерещилось из-за собственных мыслей и сомнений?

Остаток ночи почему-то не спалось. На душе было нехорошо, смутно-тревожно, хотя, говорила себе Оксана, тревожиться по большому счёту не из-за чего. Ну, разбегутся они с Глебом, это не катастрофа, а вполне ожидаемый исход. Это с самого начала было всего лишь вопросом времени. Так чего же ей так тяжело? Ещё этот запах его, чуть терпкий, мужской, одуряющий.

До самого утра Оксана ворочалась в постели - то ей было душно, то позу искала удобную, то мёрзли ступни, то чесался нос. Дважды вставала, пила чай, во второй раз - плеснула в чай коньяк, подарок студентов. Хотелось выхлебать всю бутылку, это бы точно помогло успокоить нервы, но завтра на работу. Хорошо хоть не с самого утра, а лишь к обеду.

Около девяти утра проснулся наконец и Привольнов, Оксана уже измаялась вся.

- Так, говоришь, с Фурцевой у тебя не сложилось? - спросила она его сама, хотя ей было интересно, как заговорит об этом Глеб, как озвучит свою просьбу.

Прежде он никогда её ни о чём не просил, потому и вёл себя так - независимо, своевольно, порой даже развязно. Но Глеб молчал. То есть говорил, о чём угодно говорил, легко, непринуждённо болтал о том о сём, но только не о Фурцевой.

И Оксана понимала: он не хочет просить, не хочет терять эту свою эфемерную независимость. Самолюбивым людям тяжело даётся роль просителей. Им это зачастую кажется унижением.

Ей тоже не хотелось затевать первой этот разговор. В отместку за невнимание и из вредности. Но откуда-то взялась уверенность, что иначе он больше к ней не придёт. Просто исчезнет из её жизни навсегда. А к этому она пока не была готова. И хотя это ужасно унижительно - привязывать к себе таким вот способом. Да и не привязывать, а просто удержать ещё на какое-то время, но... охота пуще неволи.

И не придёт он не потому, что сочтёт её бесполезной - расчёта в их отношениях вообще-то никогда не было, - а потому что не простит ей вот этой молчаливой попытки заставить его хоть капельку унизиться.

Потому, в очередной раз перешагнув собственную гордость, Оксана начала разговор первой. К тому же ночью её мальчик выложился по полной и заслужил конфетку.

- Да вообще труба, - помрачнел Глеб. - Она какая-то невменяемая, эта ваша Фурцева. Отчислением грозит...

- А из-за чего у вас с ней тёрки?

- Да нет никаких тёрок. Какие могут быть тёрки с преподам, ещё и с тёткой? Ну, пропускал я её пары. Она теперь в позу встала, мол, не ходил, значит, хрен тебе, а не экзамен.

- Ну да, Фурцева ужасно не любит, когда её пары прогуливают. Это для неё прямо как личное оскорбление.

- Ненормальная...

- А в деканате что говорят?

- Ну, дали срок до конца этого семестра. Так-то я в зимнюю сессию всё сдал кроме этой гребаной культурологии... ой, прости.

- Да ничего, я не Фурцева, я не отождествляю себя с предметом, который веду.

- Жалко, что у нас вела не ты. Я бы даже не прогуливал... наверное, - голос его вновь обрёл знакомую, волнуемую хрипотцу.

Оксана зарумянилась, улыбнулась ему.

- А с Фурцевой ты не пробовал договориться?

- Представь себе, пробовал, - Глеб невесело усмехнулся. - И просил, и чуть ли не умолял. Эта гримза и слушать ничего не хочет. Притащился к ней с конфетами, так она меня чуть не загрызла. Ну вот на днях согласилась на пересдачу, по ходу, тупо для проформы. Так завалила, естественно, хотя я и готовился. Ну и всё, теперь упёрлась: никаких больше пересдач. Ни единого шанса. А мне без её экзамена, сама знаешь, тупо не дадут допуск к летней сессии, ну и, короче, отчислят. Я ж на бюджете. Так что эти месяцы я ещё побарахтаюсь, а там - адъёс, альма-матер, здравствуй, юность в сапогах.

- Ну, подожди, Глеб. До сессии у тебя есть ещё почти три месяца. Что-нибудь придумаем.

- Да что тут придумаешь? Ты знала, кстати, что ректор её родственник? Меня в деканате просветили. Так что с ней

даже не потягаешься.

- Да я не в том смысле. Я имела в виду, что попробую сама с ней договориться. Попрошу за тебя. Вот.

- Спасибо за порыв, но что-то я сомневаюсь, что она тебя послушает.

- Почему? - вдруг обиделась Оксана. - Мы ладим с Анной Борисовной. Она меня уважает, ну, в смысле, хвалит. Помогает...

- Ну, прекрасно. Попросишь за меня - перестанет и хвалить, и помогать.

- Зря ты так. И не такая уж она и гримза, как ты говоришь. Она, конечно, строгая, жёсткая, ну и упёртая, да. У неё там какие-то свои железные принципы, но ладить с ней можно. И договориться тоже. А в неформальной обстановке - так тем более...

- В неформальной обстановке? Это как? - удивился Глеб.

- Ну, мы иногда на кафедре... остаёмся... ненадолго. Если день рождения у кого-нибудь из наших, ну или ещё какой-то повод. Выпиваем по чуть-чуть, а иногда просто чай с тортиком. Ну что ты так смотришь?

- Фурцева тоже... по чуть-чуть? - недоверчиво спросил Глеб.

- Ничто человеческое ей не чуждо.

- Да уж. Пьяницы, - хмыкнул он, отчего-то повеселев.

- Я, между прочим, помочь тебе хочу.

- Извини, просто я был уверен, что Фурцева - биоробот

и питается исключительно энергией студентов. Ну а серьёзно, если получится, то было бы круто, конечно. Я буду тебе страшно благодарен.

Глеб придвинулся к Оксане, перекатившись, навис над ней.

Ни к селу ни к городу подумалось: решил, что пора начать благодарить прямо сейчас?

Эта едкая мысль немного портила момент, хоть Оксана и замерла в предвкушении, чувствуя, как тело немедленно отзывается на его близость, а затем и на ласки.

Если ночью Глеб был горяч и напорист, то сейчас, утром, действовал мягко и нежно. И снова, будто откуда-то знал, что именно так ей и хотелось.

Нет, всё-таки его будет здорово не хватать, когда их пути разойдутся. В том, что это случится, сомнений, увы, не было.

Сразу после разрядки Глеб, по своему обыкновению, откатился и задремал. Ну что за противная манера? Тем более проспал почти всю ночь, не то что она.

И спит - не добудишься. Да ещё и под угрозой отчисления - вот же нервы у человека. Канаты. Стальные тросы. Или же это запредельный пофигизм - удобно, наверное. Во всяком случае, мучиться бессонницей ему не грозит.

Оксана огладила плоский упругий живот, проложила пальчиками дорогу к паху, однако её поглаживания, прикосновения и даже более смелые ласки остались без ответа. А потом и вовсе Глеб соорудил во сне кислую мину, откинул

руку и отвернулся от неё. Вот это уже было совсем неприятно.

Она отодвинулась. Тоскливо посмотрела в окно. Сквозь тюль и пыльное стекло, сквозь паутину голых тополиных веток просвечивали квадраты окон безликой типовой пятиэтажки. Унылая какая-то жизнь, и пейзаж унылый...

И обещанный разговор с Фурцевой тяготил. Она и правда гримза, злобная, чванливая мегера. Мнит себя выдающимся филологом и культурологом, а сама мысли Казиника за свои выдаёт. В разговорах, конечно, но всё равно смешно. И ещё это её родство с ректором... Кто он там ей? Двоюродный брат? Сват? Или кто ещё? Неважно, но ни одних посиделок на кафедре не проходит, чтобы она не бросила как бы невзначай: Миша приезжал, Миша сказал, Миша помог... Всё время подчёркивает, что наш грозный ректор, который для всех Михаил Львович, для неё - просто Миша.

К такой, конечно, на кривой козе не подъедешь, но Оксана знает, чем её подкупить. Фурцева падка на лесть, причём именно на лесть в профессиональном плане. Традиционные комплименты по поводу причёски или обновки она вообще не воспринимает, а вот похвали её как учёного - и Анна Борисовна плывёт точно растаявший пломбир.

Оксана это заметила почти сразу, она вообще наблюдательная. С тех пор, если что надо, идёт проторённой дорожкой: сначала лесть, затем просьба. И срабатывает. Ещё и Анна Борисовна к ней заметно потеплела. Так что и тут она что-

нибудь наплетёт.

Оксана взяла с тумбочки телефон и тут же, встрепенувшись, воскликнула:

- О, боже! Это что, уже почти одиннадцать? Глеб! Вставай! Мне уходить пора.

Глеб наконец выплыл из сна. Медленно, даже как-то текуще поднялся с кровати, потянулся, совершенно не стесняясь наготы. Впрочем, какое тут стеснение? Таким телом можно только гордиться.

Оксана с трудом оторвала взгляд и, суетливо подхватив бельё, помчалась в ванную.

- Как поговорю с Фурцевой, позвоню тебе или напишу, - пообещала Оксана перед тем, как они простились на троллейбусной остановке. Она спешила в университет, а он... он, как всегда, никуда не торопился.

В тот же день поговорить с Фурцевой не получилось. Просто не было возможности. Сначала Оксана опаздывала на пару, а потом Анна Борисовна куда-то уехала по делам.

Интересно, думала Оксана вечером, ждёт ли её звонка Привольнов. Наверняка. Ещё и с нетерпением. Ну пусть ждёт, как ждала она. Пусть помучится в неизвестности, как мучилась она.

Однако в десятом часу от него прилетела смска: *«Оксан, спасибо, но ничего не надо. Не проси за меня».*

Это её обескуражило. С чего это вдруг? Нашёл другой способ или смирился с отчислением? Ну нет, она обещала - она сделает.

На следующий день Оксана застала Фурцеву на кафедре до начала занятий. Та сидела в своём кабинете за столом, сосредоточенно читая какие-то бумажки, и время от времени делала пометки на полях огрызком карандаша.

«Карандаш ей, что ли, подарить нормальный? И ещё ручку. А то вечно у неё с канцелярией проблемы. Ручки у неё то не пишут, то теряются. А что? Нормально будет. Не накладно и типа внимание. Ей приятно и мне польза», - подумала Оксана.

Кашлянула негромко, потом спросила:

- Анна Борисовна, у меня есть к вам разговор. Это личное...

- Ну раз личное, Оксана, то давай отложим твой разговор на конец дня, - оторвалась от своих бумажек Фурцева, взглянув на неё поверх очков. - У меня сейчас голова совершенно другим занята. И сама я тоже, видишь, занята...

- Да, да, конечно, - улыбнулась Оксана и ретировалась.

Ничего, она подождёт. Порепетирует пока. Всё-таки за неуспевающих студентов она ещё не просила, чёрт его знает, как Фурцева к такой просьбе отнесётся.

Второй пары у Оксаны не было, и время она коротала в читальном зале.

Благородная тишина, запах книжных переплётов и газетных подшивок, шелестящий еле уловимый шёпот - всё здесь успокаивало и даже навевало дремёму.

Её и впрямь сморило. Удивительно, как ещё не проспала. Очнулась сама по себе аккуратно за пять минут до начала третьей пары. Вернула библиотекарю журнал и быстро заменила прочь.

Университетская библиотека и читальный зал разрослись в последние годы настолько, что под них отстроили отдельный корпус, который сообщался с основным длинным извилистым переходом. По нему Оксана и неслась во весь опор, не хотелось опаздывать. Потому что могли, например, наступать, свои же.

Она вообще никому не доверяла. И потом, благосклонность Фурцевой имела, оказывается, побочный эффект - неприязнь коллег по кафедре, которые так и ждут, когда ты оступишься. Опоздание - это мелочь, конечно, но когда такие мелочи копятся и копятся, то вырастают, в итоге, в весомые неприятности.

У дверей в основной корпус полутёмный узкий коридор расширился. Здесь было светло, стояли кадки с фикусами, монстерами и ещё какой-то пышной зеленью.

Краем глаза она уловила за этой зеленью два силуэта. На миг приостановилась, пока открывала дверь, без особого любопытства посмотрела на парочку, и сердце оборвалось...

Привольнов обнимал какую-то девушку, а она его. И целовались, сволочи. Вот так запросто, среди бела дня, прямо в университете, где их могли увидеть...

Оксана тяжело поднялась на третий этаж, на автомате отвела пару, постоянно замирая на полуслове. Значит, вот она - истинная причина. Вот почему в последнее время он не рвался встречаться. Да что там, увиливал как мог. Кто она, интересно? Студентка? Жаль, она её не разглядела.

Оксана чувствовала себя глубоко несчастной и почему-то униженной. Он обманывал её. Променял на другую. Как себя ни убеждай, как ни утешай, это больно и обидно.

Фурцева про разговор напомнила сама, когда Оксана при-

шла на кафедру.

- Вы, Оксана, о чём-то личном хотели поговорить? Сейчас нет никого, я слушаю.

Оксана не сразу сообразила: о личном? С Фурцевой? Но потом вспомнила. И такая злость в ней всколыхнулась, что в груди зажгло. Вот же подонок, этот Привольнов. Она, значит, будет решать его проблемы, а он в это время девок тискать. Ну нет. Думает, нашёл дуру?

- Или что, вопрос уже снят? - спросила Фурцева.

Оксана помялась, затем произнесла:

- Да нет. Тут понимаете, какое дело, Анна Борисовна... У вас же учился... учился в прошлом семестре... в триста второй группе такой студент... Привольнов.

Фурцева чуть заметно прищурилась, поджала губы.

- Учился, если можно так выразиться. А вы что, за него ходатайствовать решили? - голос её звучал сухо и даже с нотками явной неприязни.

- Нет, что вы, наоборот! - живо воскликнула Оксана. - Я вас предупредить хотела. Этот Привольнов просил меня, чтобы я вас убедила поставить ему экзамен. Слышали бы вы, что он говорил! Он на всё готов, сам сказал. Заявил, что экзамен вы ему всё равно поставите, никуда не денетесь.

- Не знала, что вы общаетесь.

- А мы и не... - растерялась Оксана, сморгнув, зачастила: - Ничего мы не общаемся! Он просто внаглую приставал ко мне. Несколько дней проходу не давал. Цветы дарил, ком-

плименты говорил. А потом про вас спросил. Говорил, отблагодарит, если помогу с экзаменом.

- Понятно. Спасибо, - всё так же сухо произнесла Фурцева и вернулась в свой кабинет, даже дверь за собой затворила, чего обычно не делала.

Оксана с полминуты смотрела на закрытую дверь. Странная эта Фурцева. Вот вроде и поблагодарила, а чувство такое, будто разозлилась на Оксану. На сердце и так было тяжело, а стало ещё хуже.

Спустя две недели Оксана переехала к Валере.

Номер Привольнова она занесла в чёрный список, на всякий случай, хотя он и не звонил, даже чтобы выяснить, замолвила ли она о нём словечко или нет. Но этот акт был не для того, чтобы оградить себя от возможных докучливых звонков, а в порядке самоутешения.

Про Фурцеву с самого начала говорили: строгая, противная, у неё на парах не разгуляешься. А пропустишь занятия больше трёх раз - и про экзамен можно не мечтать.

Не говорили только, что Фурцева приближена к ректору. Эту маленькую, но очень существенную подробность Глеб Привольнов уяснил уже сам. Вот только слишком поздно - когда угроза отчисления не просто маячила на горизонте, а надвигалась стремительно и неотвратимо, лишая сна и аппетита.

Декан, конечно, дал срок - до начала следующей сессии, но Фурцева свою позицию обозначила предельно чётко: хоть в лепёшку расшибись, но экзамен не получишь ни сейчас, ни потом, ни-ког-да. И если прежде ещё оставались какие-то надежды найти к ней подход, то теперь Глеба целиком и полностью поглотила безысходность.

Эта гримза не поставит ему зачёт, даже если он вызубрит конспекты до последней запятой и выучит все билеты от и до. И всё потому что он пропустил несколько её лекций и семинаров.

Ладно, почти все её пары он прогулял, кроме первой и последней. Ну так и предмет она вела не профильный, а так, второстепенной важности, что называется, для общего раз-

вития. Ну и тогда какого чёрта нагибать студентов так, будто нет ничего главнее её культурологии? Но это риторические вопросы. Можно возмущаться положением вещей сколько угодно, но факт остаётся фактом: экзамен он не получит, к летней сессии вылетит из универа, а к осени или даже сразу, в весенний призыв, его забреют в армию.

Последнее удручало особенно сильно. Ещё лет пять назад, дома, в родном городе, старшие приятели, вернувшиеся с армейки, делились впечатлениями, перемежая рассказы смехом и забористыми матами.

Тогда солдатские байки Глеба позабавили, однако для себя он твёрдо решил: куда угодно, что угодно, как угодно, только не в армию. Притом его не так пугали «ужасы дедовщины», сколько потеря свободы. Лишиться её, бесценной, на целый год?! Нет, нет, нет.

На мать с отцом, рядовых инженеров, вкалывающих за гроши на местном полудохлом заводе, надеяться не приходилось - накоплений, чтобы дать кому надо на лапу, у них не было, полезных знакомств тоже не водилось. Да и не понимал отец его страстного желания избежать службы. По мысли родителя, всякий настоящий мужчина обязан отдать долг Отчизне.

Так что уповать оставалось только на себя. Однако доступных вариантов было, собственно, всего два: отсев по здоровью и поступление в вуз.

Симулировать серьёзный недуг Глеб вряд ли смог бы убе-

дительно. Высокий, широкоплечий, в меру мускулистый, он буквально лучился здоровьем и энергией. Он и действительно никогда не болел, разве что в раннем детстве ветрянкой.

Оставалось одно: поступить в универ. Потому Глеб и удавился в учёбу со всем рвением, на какое был способен. Из кожи вон лез, но закончил одиннадцатый класс очень даже сносно, а ЕГЭ и вовсе сдал замечательно.

Первый курс Привольнов ещё старался по инерции, а кое-где и блистал, но быстро просёк, что так уж выкладываться необязательно. Например, когда очень неохота, на пары можно и не ходить - никто потом с тебя строго за прогулы не спросит. Родители ведь, к счастью, далеко - некому контролировать, читать нотации, учить жизни и всячески вмешиваться в твои дела. Достаточно по телефону наплесть им с три короба, какой ты молодец, и те спокойны и счастливы. Так что второй курс пролетел в облегчённом режиме: друзья, подруги, тусовки, развлечения и где-нибудь между - учёба.

Преподавателям, конечно, не нравилось такое вольное посещение, но Глеб сглаживал острые моменты врождённым обаянием.

Это было легко. Он всегда умел нравиться без усилий, особенно противоположному полу - тут уж чего не отнять, того не отнять. И дело даже не во внешности, хотя и здесь природа не подкачала, не в открытой белозубой улыбке, от которой на щеках играли ямочки, не во взгляде тёмных, почти чёрных глаз, взгляде, одновременно порочном и невин-

ном.

Просто Глеб нутром чувствовал своего собеседника, его желания, его отношение, его настроение, потому легко предугадывал реакцию, находил нужные слова, ну и располагал к себе.

Как так получалось - он и сам не мог объяснить. Интуиция ли это, развитая эмпатия или что-то ещё - в принципе, неважно. Главное, это помогало почти с любым найти общий язык. Кроме Фурцевой. С ней он, увы, встрял по полной.

Дурак, что не ходил, конечно. Обычно Глеб уж так сильно не наглел, хотя бы половину занятий старался почтить присутствием. Тут же...

Сейчас он даже сказать не мог, почему столько её пар пропустил. Когда-то, может, тупо не захотел, лень было или не готов, когда-то - дела возникли поинтереснее, когда-то - совпало с работой. Обычно он выходил в вечерние смены, но осенью многие болели и приходилось постоянно замещать то одного, то другого. Ну и сам по себе предмет - культурология - казался ему таким же неважным и ненужным, как в школе, например, уроки пения.

А оно вон как обернулось...

Когда Глеб заявился на последний семинар перед зимней сессией, Фурцева, вперив в него взгляд маленьких колючих глаз, сухо сказала:

- Господин Привольнов, если не ошибаюсь?

- Да, Глеб Привольнов, - уточнил он.

- Вы пропустили десять из двенадцать семинаров, - сухо констатировала она. - С лекциями, полагаю, дела обстоят не лучше. Так что к экзамену я вас не допущу.

Тогда он всерьёз её предупреждение не воспринял. Его даже слегка позабавили испуганно-сочувственные взоры одноклассниц. Сам же решил, что тётке просто нужно продемонстрировать свою власть. Ну пусть.

До конца пары Глеб сидел спокойно, не спорил, не лез на рожон, как Петюня Рогов, который тоже пропустил полсеместра и тоже получил недопуск.

Петюня гундел, доказывая, что не ходил по уважительной причине - болел тонзиллитом, а потом осложнениями, и справки имеются. А значит, это произвол и нарушение Петюниных прав.

Фурцева поначалу его слова игнорировала, потом, потеряв терпение, коротко вспыхнула и строго сказала:

- Господин Рогов, или вы сейчас же прекратите этот бала-

ган или прочь из аудитории.

Дурак Рогов возмутился ещё больше и, в конце концов, его и в самом деле выставили вон.

Глеб поступил разумнее - выловил Фурцеву после пар, в пустой аудитории.

Замерев в дверном проёме, несколько секунд разглядывал её, пока она собирала книги, методички, листы с фотокопиями в огромную сумку-саквояж из коричневой кожи. Движения у неё были довольно резкие, хоть вроде и неторопливые. Видимо, сама по себе она дама нервная, сделал вывод Глеб.

Выглядела она как типичная старая дева: мышинного цвета волосы, забранные на макушке в жидкий пук, тёмный твидовый костюм строго кроя, на лацкане - винтажная брошка, из-под пиджака выглядывала голубая блузка с воротником стоечкой.

Руки её тоже дёрганные и неловкие: никак не могла собрать свои бесчисленные бумажки, всё время что-то роняла. Лицо у неё - и не сказать, что некрасивое, но совсем неинтересное: бледное, даже какое-то бесцветное, ни бровей не видно, ни ресниц, только глаза-буравчики из-за очков смотрят зло и как будто с подозрением.

Фурцева не красилась, не делала маникюр, не носила украшения, ну вот не считая брошки. Кольца на безымянном пальце Глеб тоже не увидел. Значит, не замужем, сообразил он. Впрочем, неудивительно. Воспринимать как женщину её очень сложно, особенно в романтическом ключе.

Может, оттого она и такая злючка, мелькнула мысль. Может, никто никогда за ней не ухаживал, вот она и превратилась в мизантропа?

Глеб шагнул в аудиторию. Фурцева оглянулась на шорох, всего на мгновение, и, не проявив ни малейшего интереса, принялась дальше собирать свои бумажки.

- Анна Борисовна, - позвал её Глеб, подходя к столу преподавателя.

- Слушаю вас, господин Привольнов. Только прошу очень кратко, времени у меня нет, - отозвалась она, не поднимая головы.

Это плохо, что не посмотрела - он бы ей улыбнулся. Улыбка у него обезоруживающая. Ну да ладно, голос у него тоже хорош.

Глеб заговорил негромко, с лёгкой хрипотцой, чуть растягивая гласные. Он давно заметил: именно такая интонация действовала на какие-то скрытые рычаги сознания, заставляя прислушиваться, верить, откликаться, будоражила, вызывала интерес. Правда, пускать в ход подобную уловку с дамой, которая годилась в матери, было как-то не по себе, немного противно и немного совестно, что ли. Но когда на кону твоя судьба как-то не до щепетильности.

- Я всё понимаю, я виноват. Действительно, много пропускал в этом семестре, но, поверьте, Анна Борисовна, так сложились обстоятельства. Если бы не...

Наконец она собрала все свои бумаженции, щёлкнула за-

стёжкой саквояжа и посмотрела на него. Причём умудрилась посмотреть свысока, хотя едва доставала ему до плеч.

- Ваши обстоятельства, господин Привольнов, это ваши проблемы. Меня они не касаются.

- Конечно, мои, конечно, не касаются, - не теряя самообладания, согласился Глеб, - даже мысли нет на кого-либо их перекладывать. Я всего лишь прошу дать мне возможность сдать экзамен.

Глеб полуприсел боком на первую парту - так он был вровень с коротышкой Фурцевой.

- Я же не прошу вас, Анна Борисовна, поставить мне его так просто. Я всё перепишу, конспекты там... всё выучу, подготавлиюсь...

- Учить и готовиться следовало в течение всего семестра, а вот это: похватать наскоком, прочитать с пятого на десятое, бездумно переписать конспекты - это не учёба и не знания. Большинству я ставлю экзамен автоматом, оцениваю, исходя из того, как студент работал на практических занятиях. Вы никак не работали, вы манкировали все мои пары, - это, конечно, ваше право, ваш выбор. Не хотели - не ходили. Однако я не понимаю, чего вы теперь ждёте от меня с таким-то отношением.

Глеб возразил, что хотел, очень хотел, но обстоятельства сильнее его, ему приходилось работать, а потому пропускать.

Жизненные трудности у Фурцевой понимания не встретили. Обезоруживающая улыбка её не обезоружила. Она во-

обще любые его попытки наладить контакт сразу же принимала в штыки. То, что безотказно срабатывало на других, в случае с Фурцевой давало осечку за осечкой.

В конце концов, она заявила, что дискутировать дальше у неё нет ни времени, ни желания, и стремительно вышла из аудитории.

Такого поворота Глеб не ожидал - не человек она, что ли? Он ещё дважды подкарауливал её: раз - вечером на кафедре. Всучил ей пакет с конфетами и хорошим вином. Фурцева отшатнулась, как будто он ей дохлую крысу приподнёс.

Второй раз - наплевав на условности, подсел к ней в столовой. Тут он уже не играл, не выстраивал стратегию, а действовал порывисто и отчаянно. Но Фурцева оставалась непреклонна.

Впрочем, кое-чего удалось добиться, но и то через деканат - Фурцева всё-таки снизошла и назначила ему, а заодно и дебоширу Рогову, дату пересдачи.

Глеб, само собой, готовился. Ну, как умел. Не пошёл на хоккей - уже подвиг. Не посмотрел, как бывшая «Сибскана» нахлобучила «Нефтяник» - это боль, потому что такие моменты - большая редкость. Не участвовал потом в шумной попойке по случаю победы родных хоккеистов - тоже огорчение.

Вместо этого он учил чёртову культурологию. Кое-что почитал в сети, кое-что запомнил из конспектов, но выучить так, чтобы отлетало от зубов, с полным пониманием предмета - увы...

Он и этих скромных результатов не достиг бы, наверное, если бы не девчонки из соседней комнаты.

Женька с Милой учились с Глебом на одном потоке и, узнав про пересдачу, тут же с азартом подключились помогать: во-первых, не давали отвлекаться. Отгоняли всех и каждого, кто совался к Привольнову с сомнительными предложениями.

- Без него погуляете! - командовали.

Снабжали чаем и бутербродами - чтобы мог подкрепиться без отрыва от чтения. Строго следили, чтобы он ненароком не завис в каком-нибудь чатике. Даже покурить Глеб вырывался с боем.

- Вот сдашь - тогда и накуришься! - становилась в дверях Женька, подбоченясь. Маленькая, щуплая, со стрижкой под мальчика она напоминала воробья-забияку.

- Глеб, ну правда, ты раз за разом ходишь курить, столько времени впустую тратишь! - томно вздыхая, вторила подруге женственная Мила. Она и говорила протяжно. И двигалась всегда неспешно, будто в полудрёме.

Так они достали обе, особенно Женька, что в очередной раз Глеб, не сдержавшись, рывкнул: «Ты и в сортир за мной пойдёшь, проверяльщица?».

Потом, правда, перекурив, успокоился и извинился.

Во-вторых, наволокли каких-то книжек, тетрадок, даже распечатку монографии Фурцевой по Древнему Китаю где-то откопали: ей будет приятно, если Глеб покажет, что знаком с её трудом. Ну и погоняли его по билетам хорошенько.

Он, конечно, плавал и немного путался, но это и неудивительно - ведь за два дня впитал информации столько, сколько не получал за полгода. И конечно, в голове теперь творились мешанина и сумбур. Но в общих чертах ответить он мог почти на любой билет, если не углубляться в детали.

Если бы предстояло отвечать кому-нибудь другому, Глеб и нервничать бы не стал, но с этой... ничего нельзя сказать наверняка. Во всяком случае, успокаивал себя, уж на тройку-то он точно знает.

Фурцева тогда запустила их в аудиторию: Привольнова, Петюню Рогова и ещё одного лба из параллельной группы.

Вытянули билеты, расселись по местам. Вопросы Глебу достались лёгкие - культура Древнего Рима и особенности культуры эпохи Возрождения. Он посидел, собрался с мыслями и накатал целых два листа.

Однако когда вышел отвечать по билету, Фурцева его даже не дослушала, зато буквально забомбила вопросами по другим темам, совершенно не давая времени подумать. А Глеб не из тех, кого можно спрашивать в режиме блицкриг.

К тому же, было настолько очевидно, что она его намеренно заваливает, что продолжать дальше это унижительное шоу не имело смысла. Глеб просто молча вышел из аудитории.

Между прочим, позже он узнал, что Рогову и тому, второму, она поставила тройки.

- Я вообще-то на четвёрку рассчитывал, но после тебя был на всё согласен, - сказал ему Громов. - Слушай, а ты когда ей так насолить успел? Нас она так не шпыняла.

Самому интересно, когда и, главное, чем? Ну не может ведь здравомыслящий человек так свирепствовать из-за каких-то прогулов, искренне считал он.

Женька с Милой его провал восприняли как собственное поражение. Мила всплакнула:

- Как же так? Это несправедливо. Что ж теперь делать?

Женька хорохорилась:

- Ничего, Глебчик. Это педагогический произвол. Хулиганство! С этим нужно бороться! Уж на тройку-то ты точно знаешь. Так что иди в деканат. Протестуй. Добивайся. Пусть

назначат комиссию. Им будешь сдавать.

Глеб на этот революционный призыв только усмехнулся:

- Был я в деканате. Пробовал качать права, мне тут же посоветовали заткнуться и не отсвечивать.

- И всё?

- И всё-таки договориться с Фурцевой... каким-нибудь чудом. Но это вообще нереально.

Девчонки сокрушались, причитали, подбадривали, но хотелось, чтобы они замолкли и ушли, а самому напиться в дым.

Желание его поддержал Тёма Тошин, сокурсник и друг, даже за водкой поспешно сгонял, а там подтянулись и остальные парни.

Вообще, Глеб не особо любил такие вот пьянки, с морем водки и на всю ночь, потому что начиналось всегда всё очень хорошо, а заканчивалось плохо. Причём очень часто на утро никто не помнил, почему стало плохо.

Однажды он сам, например, проснулся с заплывшим глазом и сбитыми в кровь костяшками. А откуда вся эта красота - никто не мог сказать. Однако в студенческом общежитии попойки были практически неотъемлемой частью бытия. Не пили только ботаны и некоторые девочки, такие как Женька с Милой, тоже, в общем-то, повёрнутые на учёбе.

Но вот после этой пересдачи ему наоборот хотелось забыться. Он хлестал водку как воду, желал выкинуть проклятую гримзу Фурцеву из головы, но сам же постоянно заводил о ней разговор.

- Эта сука просто издевалась надо мной, - кипятился он. - Ненавижу её. Никого никогда так не ненавидел, как эту ме-

геру.

- Так ты готовился к пересдаче? - спрашивали его пацаны.

- А то! Женька с меня не слезла, пока все билеты не выучил.

- А не сдал-то почему тогда?

- Да потому что эта стерва тупо не дала мне сдать. Злобная тварь.

- Так-то да, - согласился Тёма Тошин. - Она та ещё ведьма.

- Её, поди, никто не чпокает, вот она и злобная такая.

Пацаны загоготали.

- Так что ж ты, Глебыч, тушуешься? Чпокни - вот и будет тебе экзамен.

Снова дикий хохот.

- Дебилы, - скривился Глеб. - Извращенцы.

- Ну а что? Можно закрыть глаза и представлять какую-нибудь классную тёлочку, - предложил долговязый и тощий Кирилл.

- О да, Кирюха знает, что говорит, - давился смехом Тёма Тошин. - Он сам всегда так делает, да, Кирюха?

- Пошёл ты!

- Да ладно тебе, Глебыч, - никак не успокаивались пацаны. - Ей сколько? Сорок пять? Баба ягодка опять. А то что страшная, так не смотри на неё и все дела. Отработал, дал зачётку и гуляй.

- Один раз перетерпишь, зато не отчислят.

- Глебыч, правда, - глумливо сиял Иванов. - Годная затея

же!

- Ну так чпокай сам эту ягодку, - огрызнулся Глеб.

- Так не за чем. Не меня же хотят отчислить.

- Да нафиг. Пусть лучше отчисляются.

- Угу. - посерьёзней Иванов. - Вот скажи - ты готов реально пойти сейчас в армию? Прыгать, бегать, какать по свистку? И чтоб тебя каждый хрен в погонах дрючил? И чтоб ты слова против не смел сказать? А оно так и будет. И пендюлей будешь выхватывать - мама не горюй. И уж точно чпокать никого не будешь. Зато тебя будут. И прапоры, и сержанты, и офицеры, и деды. И в хвост, и в гриву. Фурцева тебе на их фоне крёстной феей покажется.

- А прикинь, в горячую точку пошлют? - встрял Тёма Тошин. - Тогда вообще кранты.

- Умееете вы, пацаны, утешить, - помрачнел Глеб. Потянулся за бутылкой, плеснул только себе, наполнив стакан на треть, и молча выпил.

- За утешением к девкам иди, Глебыч, они тебя любят, наперегонки кинутся утешать. А мы тебе варианты предлагаем, - возразил Иванов, разливая водку всем остальным.

- Какие нахрен варианты? Это дикий бред, а не варианты.

- Ой, ладно тебе. Не ты первый, не ты последний. Вон Галкин женился же на Пугачёвой, детей даже завели и ничего, а тебе надо-то всего лишь раз...

Глеб скривился, будто его тошнит. И почему водка не действует? Хоть не так противно было бы. Ещё эти идиоты с

Фурцевой привязались. В таком ключе говорить о ней Глебу казалось вообще чем-то противоестественным.

О том, что он сам пытался её обаять - правда, вовсе не для этой их «годной затеи» - Глеб умолчал. Во-первых, стыдно было. А, во-вторых, не получилось же, о чём тут говорить.

- Кстати, о детях, - вспомнил вдруг Тёма Тошин. - У Фурцевой дочка есть.

- Серьёзно? А мужа нет?

- Говорят, что нет. Но раз есть дочка, может, был...

- Да сплыл...

- Она его сожрала, как самка богомола.

- А ты видел эту дочку? Откуда вообще знаешь?

- Она к нам как-то в аудиторию заходила, в смысле, к ней, ключ брала. Девки потом спрашивали у Фурцевой: это ваша доча, а сколько лет, а где учиться... девки любопытные же.

- А сколько ей лет?

- А учиться где? У нас, что ли?

- Девятнадцать вроде, если правильно помню. А учиться, прикиньте, в художественном училище.

- В училище? - в голос удивились пацаны. - Дочка Фурцевой? Да её же могли взять в универ на любой факультет. Она могла бы балду пинать, ей бы за всё ставили.

- А как она из себя? Ничего?

- Да какой-то там ничего, - скривился Тёма. - Хотя я её особо не разглядывал. Она заскочила на секунду. В каком-то уродском балахоне. В очках. На мать похоже вроде.

- Ясно. Красотка, короче, - усмехнулся Иванов. - Ну, так-то да, крокодилы принцесс не рожают. Но есть и плюс - страшенькую легче склеить.

- А нафиг она тебе нужна, страшенькая? - не понял Глеб.

- Не мне - тебе. Замути с дочкой, подошли к мамке, она выпросит для тебя то, что нужно.

- Не, я не люблю страшеньких, - мотнул головой Глеб.

Его, наконец, начало отпускать напряжение, и алкоголь приятно туманил мозг. Теперь слова пацанов уже не казались ему диким абсурдом.

- Тебе, Глебыч, никто и не предлагает её любить. Замути, поезди по ушам, а потом пошлёшь её.

- Вот это реальный вариант, Глеб, - поддержал Тёма Тошин. - С Фурцевой было бы, конечно, чересчур, а вот с дочкой её - вообще нормальный выход.

- Да не факт, - подал голос Кирилл. - Если бы я свою мать попросил какую-нибудь тёлочку взять на работу, она бы хрен её взяла.

- Причём тут твоя мать? - перебил его Тошин. - Ты, Кирюха, не лезь, если не знаешь. Это у вас с матерью грызня, а у этих всё нормально. Оно видно было. Фурцева так с ней разговаривала... тю-тю-тю, будь осторожна, доча, покушай...

- Попробовать стоит, - изрёк Иванов. - А там посмотришь. Если дело тухлое - пошлёшь её сразу. А если мамка дочу балует - так вперёд и с песней.

Перебрали они вчера прилично. Наутро Глеб едва смог подняться с постели, своей, к счастью, а то ведь всякое бывало, в разные места и кровати его заносило в хмельном угаре. Прошлёпал босиком к столу, попил прямо из чайника и снова рухнул. Хорошо ещё на смену сегодня не надо, он бы не выдюжил носиться по городу в таком состоянии.

Трудился Глеб курьером в ресторане доставки. Развозил пиццу. Работу свою не любил за суету, но не у родителей же кланчить - те и без того еле сводили концы с концами.

В универ тоже не пошёл. Всё равно отчислят скоро, подумал тоскливо, так зачем идти мучиться?

Глеб хотел опять уснуть, но подумал об отчислении, и в груди тревожно заняло. Обрывочно вспомнил вчерашнюю болтовню и поморщился. Вот же бред! И ведь он практически согласился на авантюру с дочкой Фурцевой. От этого стало совсем тошно.

Немного полегчало только к вечеру, после контрастного душа и пары литров крепкого чая. Мила за ним ухаживала, как за раненым бойцом, даже на пары из-за него не пошла, глупенькая. Сидя рядом на краешке кровати, приговаривала:

- Ты так плохо выглядишь. Скорую, может, вызвать?

- Не надо, - шёпотом отвечал Глеб, на большее жизненных сил не хватало.

На ней была трикотажная майка на тонких лямках, ничуть не скрывающая полную грудь. Когда Мила наклонялась к нему с озабоченным видом - зачем-то щупала лоб ладонью, потом губами, - её грудь нависала у него над лицом, почти касалась. От Милы пахло сдобой и ещё чем-то ненавязчиво приятным.

Глеб протянул руку, нырнул под тонкую ткань маечки, нащупал пышную тёплую мягкость. Мила сдавленно охнула, но не отстранилась и руку его не убрала. Тогда он задействовал и вторую: мял, оглаживал, стискивал, чувствуя, как быстро возвращаются к нему жизненные силы.

Мила запрокинула голову назад и прикрыла веки. Грудь её тяжело и часто вздымалась под его ладонями. Глеб рывком стянул майку, привлёк девушку, подмял под себя...

Это был у них с Милой второй раз. Первый случился год назад, так же спонтанно. Тогда Глеб выпил и мало что запомнил, но сам факт поначалу угнетал, всё-таки соседка, хорошая девчонка.

Однако Мила вела себя как обычно, будто ничего не произошло, и чувство вины постепенно сошло на нет. И вот теперь снова...

Шумно дыша, Мила напаялила маечку, подобрала с пола шорты, поправила волосы. Глеб наблюдал за ней, решитель-

но не зная, что нужно сказать.

- Глеб, - повернулась она к нему. - Только ты не говори никому... ну, про это. Особенно Женьке! Обещай!

- Мамой клянусь.

- Я серьёзно!

- Да не скажу я.

Мила удовлетворенно кивнула, подхватила с тумбочки пустую чашку - в ней приносила бульон - и убежала к себе.

И Мила туда же - никому не говори. Это мода такая, что ли? Впрочем, не плевать ли? Ему же проще. Голова его отяжелела, тревога отступила, дремота заволокла разум. До чего же хорошо, что он живёт один, что никто не шумит и не возится под боком. С этими мыслями Глеб и заснул.

В трёхместной комнате Глеб жил действительно один - спасибо необъяснимой милости коменданта. Остальных селили как положено: по двое, по трое и даже по четверо, в зависимости от метража. Только несколько семейных пар занимали отдельные комнаты. Ну тем и положено.

Комендантша и не скрывала своего тёплого отношения. Она и называла его ласково - Глебушка. Вот это, правда, не нравилось, но Глеб терпел.

В комнате своими силами сделал неплохой ремонт и зажил в уюте.

Этот уют ему аукнулся - теперь его, как мастера на все ру-

ки, частенько дёргали девочки-соседки, вахтёрши и сама комендантша: прибей полку, врежь замок, помоги с побелкой, посмотри чайник - не греет что-то, почини розетку - искрит и так до бесконечности.

Глеб обречённо вздыхал, но шёл и делал. Это Иванов и Тёма Тошин уверены, что все девочки и тёти любят его за красивые глаза, а сам он думал иначе: всем от него что-то надо. Кому - рабсила, а кому - и секс. Такая, правда, была у него одна, Оксана, но хватало её за глаза.

Глебу она сразу понравилась - красивая, ухоженная, с опытом. И совершенно раскрепощённая. Её не надо было уламывать, соблазнять, подпаивать. Она сама чуть ли не бросалась на него с порога. А какие пируэты вытворяла в постели, просто свет в глазах мерк. Ещё и пацаны в универе на неё вечно слюни пускали, мечтательно роняя вслед: «Вот этой я бы вдул».

Про их связь Глеб не распространялся, даже Тёме Тошину не сказал, но поначалу это здорово льстило - все хотят её, а она хочет его.

Однако вскоре эта связь стала его утомлять. Глеб сам поражался и не понимал себя: почему? Ведь это мечта - регулярный, полноценный секс с красивой женщиной без всяких обязательств. Он всегда так хотел, поскольку терпеть не мог обязательства и ответственность, и вообще всё, что как-то сковывало и ущемляло свободу. И вот, пожалуйста, само в руки упало, бери - не хочу. Так какого чёрта ему сейчас надо?

И классно с ней было, по-настоящему, классно, но почему-то больше не хотелось. Ехал к ней, когда она уж очень просила, ехал неохотно, чуть не через силу, а уходил - будто из клетки на волю вырывался. И всё чаще возникало какое-то дурацкое ощущение, что она им попросту пользуется.

У Оксаны имелся жених - физрук, нормальный мужик, по мнению Глеба. И это обстоятельство тоже его напрягало.

Оксану Глеб не ревновал, даже мысли такой ни разу не возникало, а вот перед физруком было неудобно. Но порвать с ней сразу, одним резким сечением, как-то не выходило. Язык не поворачивался. Ну как скажешь человеку, который ничего плохого тебе не делал, что он надоел? А тем более как скажешь женщине, что больше её не хочешь? Женщины ведь вообще страшно ранимы, из-за пустяка могут удариться в слёзы, а слёзы всегда были его слабым местом. Стоило кому заплакать - и у него сразу почва из-под ног.

Взять ту же Милу. Шёл на днях в библиотечный корпус и наткнулся на неё в коридоре. Сразу её и не заметил, она спряталась за цветочными кадками и тихо там поскуливала. Хотел пройти мимо, но не смог. Услышал всхлип, дрогнул, остановился, будто рефлекс сработал.

Оказалось, у Милы кошелёк в троллейбусе подрезали. А там и наличка, и карта, и проездной, и даже полис. Но на полис Миле плевать, выдадут новый. И карту она уже заблокировала, а вот деньги... целых полторы тысячи уплыли. Кошелёк тоже жалко, он кожаный. И проездной жалко. Но день-

ги жальче всего, она теперь совсем на бобах, даже обратно в общежитие не на что ехать. И снова слёзы в три ручья.

Глеб обхлопал карманы, нашёл пятьсот рублей, отдал ей. Не полторы тысячи, конечно, но всё же не так обидно должно быть. Но Мила всё равно плакала, терзая ему душу. Только когда обнял, поцеловал - вроде успокоилась.

Вот и с Оксаной никак не получалось сказать правду. Каждый раз Глеб сочинял отговорки, почему приехать не получится, надеясь, что в конце концов сама поймёт, ну не дурочка же наивная. Но Оксана не унималась, звонила, звала, вечно придумывала что-то: то кран сломался, то операцию на ноуте надо переустановить, то хандра у неё нестерпимая.

В последний раз пообещала с Фурцевой помочь. Он сначала загорелся: а вдруг? Но потом решил, что лучше не надо.

Благодарность - это лишь с одной стороны приятно, а с другой - бремя. Волей-неволей возникает чувство, что надо ответить тем же, а если не можешь, то как будто должен. А в случае с Оксаной станет тяжело втройне. Он будет чувствовать себя обязанным и вообще с ней порвать не сможет. Так что нет, пусть всё идёт своим ходом, и будь что будет.

Больше Глеб Оксане не звонил и не писал, и она вдруг о нём тоже забыла. К его великому облегчению.

Привольнов не понравился Анне Борисовне Фурцевой сразу и безоговорочно. Кому могут нравиться никчёмные студенты-прогульщики, из которых потом получаются такие же никчёмные специалисты?

Но что касается Привольнова, дело было даже не только в этом. Прогульщиков и двоечников она навидалась достаточно за годы работы, но никто не вызывал в ней такую слепую безотчётную ярость, как этот смазливый разгильдяй.

Она даже сама себе поначалу удивлялась, откуда у неё к нему такая острая неприязнь, как будто он задевал что-то личное, а потом поняла...

Анна Борисовна всего добилась сама, своим умом, своим трудом, кто бы что ни говорил.

Она давно поняла: люди любят принижать чужие заслуги, объясняя их взятками, связями, чем угодно. С трудом признают чужой талант, потому что тогда придётся признать собственную несостоятельность. А ещё есть зависть. Это совсем гиблое дело, когда бездарный человек ещё и завистлив. Такие ей попадались нередко. И сплетен она про себя наслушалась вдоволь.

Можно, конечно, утешать себя изречениями в духе Конфуция, мол, если тебе плюют в спину - значит, ты впереди. Но эти едкие слова и несправедливые обвинения всё равно ранили, особенно в первое время.

Обидно это было - она постоянно недосыпала, пропадала в библиотеке, работала, не щадя себя, занималась исследованиями и ни разу ни у кого не попросила помощи. Пожертвовала личной жизнью, чтобы достичь того, что имеет; единственную дочь почти не видела, не заметила даже, как та выросла. А за спиной только и шептались: это всё ректор, родственник её расстарался. Вот ей и докторская на блюде, и степень, и должность. А его заслуга была лишь в том, что ей палки в колёса не вставляли и нервы не трепали понапрасну. Защитилась она быстро и спокойно, да. Но труд её - это её труд, и ничей больше.

Лучше бы она не знала про эти сплетни, но всегда находились доброжелатели, кто передавал ей слова коллег. И обида постепенно трансформировалась в хроническую глухую злость.

Людей она не любила, просто терпела по необходимости. Мало кто не вызывал в ней раздражения. Казалось ей - куда ни плюнь, кругом все какие-то никчёмные, пустые, ленивые, за редким исключением. Бесцельно плывут по течению, бессмысленно прожигают жизнь. Коллеги у неё такие чуть ли не через одного, а про студентов и говорить нечего. Это же просто какое-то деградирующее поколение, ужасалась она.

Себя же Анна Борисовна считала истинным пассионарием и в душе иной раз негодовала, почему она должна тратить своё бесценное время на глупую, равнодушную массу.

Нет, ну были студенты, которые не безнадежны. Были даже такие, которые вызывали у неё уважение. Но пустоголовые и ленивые брали количеством, и это её удручало.

Особенно она не любила прогульщиков. Эти хуже всех, они даже не утруждали себя такой малостью, как просто прийти на её лекцию, посидеть, послушать... А потом ходили, кланчили.

Правда, год от года таких всё меньше, а в иную сессию - вообще ни одного. Но, к сожалению, это вовсе не потому, что студенты становились умнее, интеллигентнее, заинтересованнее, просто молва о жестокой и непримиримой Фурцевой гремела на весь университет. Даже Миша, двоюродный брат, шутил: «Тебя студенты боятся больше, чем меня, ректора».

Вот потому теперь тунейдцы попросту «высиживали» себе тройки. Ну хоть так.

Однако всё равно изредка попадались «самоубийцы», как шутя называл их Миша. И что странно - почему-то ей особенно запоминались не те, кто радовал хорошими ответами на семинарах, а вот эти самые никчёмные, бессовестные и наглые, которые раздражали, злили, надоедали, портили настроение. Их фамилии и лица Анна Борисовна помнила ещё долго. И вот зачем ей это?

Но всех переплюнул Привольнов из триста второй группы.

Судя по журналу посещаемости, он явился на занятия пару раз в начале семестра, а потом пропал с концами. И объявился, как водится, перед сессией.

Привольнов тоже просил последний шанс, почти теми же словами, как будто всех их где-то учат говорить одно и то же. Только все обычно на жалость давят, глаза боятся поднять, стыд и раскаяние изображают, а этот и просил-то нагло. И смотрел на неё вызывающе. Будто не просил, а... тут Анна Борисовна немного терялась с определением. Но во взгляде его и в голосе было то, что её задевало или даже оскорбляло. Может, иным женщинам это по душе, а её такая развязность просто возмутила.

Вот точно! Он разговаривал с ней не как студент с преподавателем, а как мужчина с женщиной. Вроде и не подбивал клинья, и не флиртовал, а всё равно казалось, будто он её оценивает. И судя по всему, даже не сомневался, что ему она не откажет. Думал, наверняка, раз смазлив, то и всё ему просто так достанется.

Вот таких наглых, самоуверенных красавцев, которые, если копнуть поглубже, ничего из себя не представляют, Анна Борисовна вообще терпеть не могла. Ну а с Привольновым и копать поглубже не надо, вся его бесстыжая натура прямо на поверхности.

Но было и ещё кое-что. В этом его наглom взгляде, в инто-

нациях, в манере постоянно улавливалось нечто смутно знакомое, и оно противно свербело, как застарелый шрам на перемену погоды.

Чуть позже, уже вечером, её осенило. Привольнов напомнил ей другого молодого человека, который, впрочем, теперь уже не молодой, и которого Анна Борисовна приказала себе забыть. И забыла. Но вот, пожалуйста, всплыл.

Тот тоже был красив - они даже внешне очень похожи с Привольновым, - и так же самонадеян. А звали его Влад Усольцев. Надо же, она ещё помнит!

Казалось, что забыла, а нет, всё помнит, каждую мелочь, хоть прошло двадцать с лишним лет.

Ездил Усольцев на старой девятке, но с таким видом, будто гонял на каком-нибудь Феррари. Приодеться тоже любил. По ресторанам и клубам таскался. Снимал девиц по щелчку пальцев. Но это сейчас она знает и понимает, а тогда, к сожалению, Анна Борисовна была неопытной, а потому наивной.

К своим двадцати четырём она успешно закончила аспирантуру и защитила кандидатскую, а вот с противоположным полом как-то всё не складывалось. Парнями она не особо интересовалась, ну и парни ею тоже, если уж честно. На свидания она не ходила, не знакомилась, не встречалась. Личную жизнь ей полностью заменяла наука. А когда впервые увидела Усольцева - пропала, будто в омут с головой прыгнула.

Он тогда поселился по соседству, снял квартиру. Стыд-

но вспоминать, как она его высматривала и поджидала. Потом столкнулись на лестнице, познакомились, стали общаться. Она делала для него контрольные - Усольцев учился на заочном. Одалживала ему то на сигареты, то на бензин, которые он обещал завтра вернуть, но никогда не отдавал. А потом они переспали, всего один раз, но этого ей хватило, чтобы забеременеть. Хотя про беременность Анна Борисовна узнала потом, после того, как Усольцев её бросил.

Собственно, он и не бросал её в привычном понимании, потому что они не встречались. Тот единственный раз был для него проходным и ничего не значащим. Уже через два дня Анна Борисовна встретила Влада в подъезде с другой. Обнимая, он вёл гостью к себе. А Анне бросил, ничуть не смущаясь, небрежное «привет, соседка». А потом и вовсе съехал - точнее, его выдворили хозяева квартиры за неуплату.

Не скоро она пришла в себя, сложно переживала драму, но с тех пор как отрезало: никаких любовей, никаких мужчин. И даже бесконечно удивлялась, как она могла так страдать и убиваться по такому ничтожеству. Хотя теперь, спустя годы, она даже в каком-то смысле радовалась, что всё получилось именно так. Ведь от той случайной связи появилась на свет её Саша, а это стоило и слёз, и унижения, и разбитого сердца.

В дочери своей Анна Борисовна души не чаяла. Наверное, потому, что вся любовь, которая была ей отмеряна, досталась одной Саше. Любила её так, что в груди болело. Корила себя, что не получалось проводить с ней больше времени. Это чувство вины всегда саднило, как незаживающая ранка. Потому Анна Борисовна старалась ни в чём ей не отказывать. Хотела, чтобы у дочери было всё самое лучшее. Она бы с радостью покупала ей самые дорогие наряды, самые модные гаджеты, ну, в общем, всё то, что так ценит современная молодёжь, лишь бы Саша была счастлива.

Но Саша выросла тихой, застенчивой птичкой и ничего почти не просила. К одежде относилась, как и мать, равнодушно. Анна Борисовна сама ей предлагала:

- Саш, давай поедem купим тебе какое-нибудь шикарное платье, туфли, ну или что сейчас модно?

- Зачем? - пожимала плечами дочь. - Ну, куда я это наде-ну?

Саша действительно дни напролёт сидела дома. Ну вот только на занятия ходила. А так - запоем читала книги, писала свои картины и больше ничего не хотела.

Раньше, когда Саше было лет четырнадцать-пятнадцать, Анна Борисовна только радовалась, глядя на её одноклассниц и бывших подружек, что её девочка такая скромная - не красится, не гуляет с мальчиками, не бегает на дискотеки. Всему своё время, считала она. Пусть отучится сначала, а там уж...

Но вот дочери почти двадцать, а она всё такая же затворница. На молодых людей совсем не смотрит. Да и подруг совсем не осталось - им с Сашей скучно, ей - с ними.

Анна Борисовна видела, что дочь идёт по её стопам, но теперь это почему-то расстраивало. Хотелось для неё самого обыкновенного женского счастья, любви, семейного очага, детишек. Ну и себе внуков хотелось, конечно же. Ведь иначе её девочку ждёт такое же одиночество. Это сейчас они есть друг у друга, а потом что? Она ведь не вечная и страшно даже представить, что её хрупкая Саша останется совсем одна.

Да, парни сейчас пошли такие, что смотреть не на кого. Но не все ведь. Даже по её строгим меркам среди студентов попадались неплохие. Пусть невзрачные, неказистые, пусть звёзд с неба не хватают и ездят на трамваях, но из таких чаще всего и получаются надёжные мужья.

Саша, конечно, говорит, что никто ей не нужен, всё такое ей неинтересно, но Анна Борисовна знала - рано или поздно природа возьмёт своё, с природой не поспоришь. И для такой, как Саша, для такой, какой она сама была в юности - наивной, неискущённой, ни разу прежде не влюблявшейся, -

внезапная страсть может стать трагедией. Так что... уж лучше бы она гуляла в старших классах с подружками, с мальчишками, бегала бы в кино, ходила на школьные дискотеки.

После школы Анна Борисовна пыталась уговорить Сашу пойти в университет - что проще? Любой факультет для неё открыт. И она всегда рядом - оградит, поможет, предостережёт. Но нет, Саша заупрямилась и подала документы в художественное училище.

Анна Борисовна выбор дочери считала неудачным и бесперспективным, пыталась вмешаться, переубедить: ну нравится рисовать - рисуй на здоровье, дома, кто не даёт? Пусть это будет хобби, а профессия должна хотя бы кормить, не говоря уж обо всём остальном.

Но Саша, при всей своей скромности, была на редкость упряма и если уж что надумала, то сбить её с пути практически невозможно. Анне Борисовне оставалось только смириться: училище так училище.

Жизнь Саши подчинялась простейшему режиму: занятия - дом, занятия - дом, иногда - выставки и пленэр. Изредка - театр. Ну и всё.

И то, что раньше так радовало Анну Борисовну, начинало всерьёз беспокоить. Очень не хотелось ей, чтобы дочь повторяла её судьбу.

- Познакомилась бы уж с кем-нибудь, погулять бы сходила, - порой забрасывала пробный шар Анна Борисовна. - Юность быстро пройдёт, оглянуться не успеешь.

- Ну ты ведь не знакомилась и не гуляла, и ничего, - парировала Саша.

- Вот именно, что ничего. Ничего хорошего, - вздыхала Анна Борисовна.

- Мам, ну не нравится мне никто. Все они какие-то... не знаю... Скучно мне с ними.

Анна Борисовна искренне удивлялась:

- Да ты ведь и не общаешься ни с кем. Наверняка есть и среди ваших художников достойные ребята. Ты присмотришься, может, кто-то и понравится. И потом, я не говорю тебе крутить романы. Я просто хочу, чтобы ты общалась со сверстниками. Хоть немного.

- Как, мам? Подойти к какому-нибудь парню и сказать: общайся со мной? Да на меня посмотрят, как на сумасшедшую. Меня, если честно, и так считают... странной.

- Нормальная ты! Но... как-то же все общаются?

- Я понятия не имею, как все общаются. На меня никто внимания не обращает. Нигде. Никогда. И знакомиться со мной никто не рвётся. Пойми: я никому не интересна.

- Я не понимаю... - растерянно бормотала Анна Борисовна. - Ты ведь такая умница у меня. И ты такая хорошенькая...

Саша пожимала плечами.

- Видимо, не такая уж. Да, мам, серьёзно, меня всё это не волнует вот вообще нисколько. Мне и так хорошо.

Говорила она вроде и беззаботно, даже улыбалась, а в зелёных глазах плескалась грусть. И сердце Анны Борисовны

рвалось и кровоточило. Она, всеильная и нестибаемая, тут оказывалась совершенно беспомощна.

Очередной вызов в деканат убил всякую надежду на чудо.

Сам декан, Игорь Матвеевич, вроде бы даже Глебу сочувствовал, но, увы, помочь нечем не мог. Ну, понятно - переть против Фурцевой означало бы ссориться с ректором. Кому нужны такие проблемы ради какого-то студента?

Так что Глеб Игоря Матвеевича вполне понимал, но также понимал, что это его «ну, попробуй как-нибудь договориться с ней, ты же умный парень» абсолютно бессмысленно. После того, как она поизгалялась над ним на пересдаче, это более, чем очевидно. Да и сам декан наверняка это осознаёт.

Тем не менее Глеб подошёл к Фурцевой ещё раз «попробовать». Даже не совсем так, он её просто случайно встретил в коридоре, ну и остановил, раз уж встретил. Только и успел произнести: «Здравствуйте. Я по поводу экзамена...»

А она его не просто оборвала, не дав досказать, не просто отправила восвояси, как раньше, а наговорила столько гадостей, что он аж онемел от неожиданности. В первый миг. А во второй негромко, но отчётливо бросил ей в лицо:

- Да пошла ты со своим экзаменом!

Тогда онемела Фурцева, надолго ли - выяснять Глеб не стал, развернулся и ушёл, понимая, что вот теперь всё, можно даже не трепыхаться. После его напутствия она наверня-

ка и до сессии дожить не даст.

- Вот так прям и сказал: пошла ты? А она точно тебя услышала?

Они с Тёмой Тошиным сидели в университетской столовой. Тошин с аппетитом поедал макароны с тефтелями, а Глеб с тоской наблюдал за ним. Самому в горло ничего не лезло, хотя когда он ел? Вчера только. И всё равно не хотелось.

- Да точно слышала. У неё физия такая сделалась, - Глеб неопределённо махнул рукой вокруг лица. - Неопикуемая. Короче, надо видеть.

- Офигеть, она тебя довела!

- Не то слово. Знаешь, по-моему, Фурцева реально шизо. Слышал бы ты, Тёмыч, какой бред она несла.

- А я не удивлён, кстати. Я всегда говорил, что у неё крыша едет.

- Да там не то что едет, там вообще, по ходу, крыши давно нет. Обозвала меня, коза, подонком аморальным. Прикинь? Ну прогулял я её пары - это, конечно, капец как аморально. Какую-то ересь мне задвигала, мол, к кому я теперь буду приставать, чтобы она мне поставила экзамен.

- В смысле, приставать? - спросил с набитым ртом Тошин.

- В смысле, домогаться.

- А к кому ты домогался?

- Да ни к кому, разумеется! Говорю же, она бредит.

- Ну да... - Тёма отодвинул пустую тарелку, выдул в два глотка компот.

- Ненавижу её. Прямо вот тут печёт, - Глеб несильно стукнул себя кулаком по груди. - Смотрю в эти её злющие зенки и... придушить охота.

- Слушай, а если тебе после отчисления снова восстановиться? Ты же говоришь, Игорь Матвеич с тобой нормально. Не призовут ведь тогда.

- Нееет. Думаешь, я не узнавал, не искал варианты? Я уже даже к юристам на консультацию ходил.

- И что выяснил?

- Да ничего хорошего. Если отчисляют по инициативе вуза, то хрен тебе, а не отсрочка, даже если почти сразу восстановишься. Потому, как только меня отчислят, так сразу и загребут. Как раз весенний призыв с первого апреля пойдёт.

- Так сессия у нас только в конце мая начнётся, протяни как-нибудь до июня.

- Так и призыв не три дня, а аж до середины июля. Так что я всяко попаду.

- А, мож, как-нибудь по медицине можно откосить? Есть же какие-то болячки, с которыми не берут?

- Болячки есть, у меня их нет.

- А изобразить?

- Ну там тоже не дураки сидят. Так бы все и изображали. Не, этодохлый номер.

- Мда... - Тошин склонил вихрастую голову, почесал лоб.
- Ну тогда, Глебыч, замути-таки с дочкой Фурцевой. Терять тебе всё равно нечего.

- Да противно это как-то, - скривился Глеб.

- Пфф. Ты чего? Забыл, что ты у нас аморальный подонок?
- хохотнул Тошин. - Ну так соответствуй. И потом, Глебыч, выбор-то у тебя невелик.

- Может, у этой дочки есть кто-нибудь...

- Когда это тебя останавливало? К тому же, сильно в этом сомневаюсь. Говорю ведь - страшненькая она. Пристально я её, конечно, не разглядывал, но и так видно... замухрышка, короче. Кто на неё позарится?

- Зашибись! Мутить с замухрышкой... Всю жизнь о таком удовольствии мечтал. Да она ещё и дочь Фурцевой, которую прямо ненавижу... Одно только это уже делает твою замухрышку в сто раз уродливее.

- Ну, не знаю. У тебя что, страшных тёлок никогда не было?

- Не было, - честно сказал Глеб. - Этот экстрим, знаешь ли, не по мне.

- Да-а-а, - вздохнул Тёма, - мне так-то тоже такие не сильно вставляют, но что делать? Слушай, Глебыч, а ты это... наката перед тем, как к ней подваливать. Дело легче пойдёт. И не так противно будет.

- Да фигня всё это. Поприкалывались и хватит. Ни с какой дочкой мутить я не стану, так что закрыли тему, - Глеб

отодвинул стул, со скрежетом шоркнув железными ножками по каменному полу. - Я в общагу. Ты со мной?

Тёма Тошин быстро вскочил, подхватил пакет и потрусил следом.

С Тошиным Глеба связывала двухлетняя дружба и общая комната в прошлом.

Тёма приехал из Братска и поначалу мыкался по съёмным углам. Потом с деньгами стало совсем туго, и он выпросил комнату в университетском общежитии.

Вообще-то, в середине года шансы получить койко-место ничтожны - всё давно занято. Разве только уповать, что кого-нибудь отчислят. Но Тошину тут не повезло, потому что никого тогда не отчислили. Однако удача улыбнулась ему в лице Глеба. И не просто улыбнулась, а приветливо распахнула объятия.

Глеб как раз чинил старый дисковый телефон в вахтёрском закутке, когда пожаловал Тошин. Тогда ещё растерянный, даже пугливый. Ступал осторожно, как сапёр, и затравленно озирался.

Вахтёрша, баба Тоня, как раз куда-то отошла, попросив Глеба: «Ты тут, сынок, присмотришь, хорошо? Я на пять сек».

И в этом Тошину тоже подфартило. Через кордон бабы Тони он бы не просочился дальше вестибюля, получил бы правдивый ответ, что места все заняты и был бы отправлен вон.

Но Глебу было плевать на то, кто там входит-выходит, его занимали только проводки, капсюли, фриттер, клеммы. Такой вот допотопный аппарат, произведённый ещё в Союзе, попался ему впервые, но разобрался, что к чему, он быстро - законы физики во все времена одинаковы.

Несмелый Тошин спросил у него, заикаясь, где найти коменданта. Глеб, не поднимая глаз, небрежно указал отвёрткой нужное направление. И забыл бы, но Алла, комендант, обитала совсем рядом с вахтёрской, а голос имела громкий и зычный. Так что Глеб делал скрутку и волей-неволей слушал их беседу.

- Ну нет у нас свободных мест! - доносилось. - Нет! Ни одного. Откуда? Посреди февраля?

- Но мне негде... некуда... - лопотал второй голос.

- А я что? Где я тебе место возьму? Ты в деканат иди, там пусть думают.

- Там тоже говорят, что нет мест, надо в начале года...

- Так правильно говорят!

- Ну, может, можно, к кому-нибудь подселиться? Может, кто-нибудь согласится...

- К кому? - усмехнулась Алла. - Кто согласится? Сам-то понимаешь, что сказал?

Глеб завинтил корпус телефонного аппарата, набрал с мобильного номер вахты, послушал дребезжание звонка и удовлетворённо сбросил вызов. Затем заглянул в комендантскую.

- Ну что, Глебушка? - тотчас сменила тон Алла и пухлое, грубоватое лицо её смягчила улыбка. - Получилось?

- Да, Алла Иванна, всё работает нормально.

- Ай, ну какие ж руки у тебя золотые! И вот зачем тебе истфак, голубчик? Шёл бы в этот... как его? Физмат? Физтех? Ну вот туда, короче.

Глеб послал ей ответную улыбку, хотя внутренне передёрнулся от Глебушки и ещё больше от голубчика, потом перевёл взгляд на Тошина. Сразу подумал - физия знакомая, где-то виделись, наверное, на общих лекциях. А тот смотрел на него смущённо и с тоской.

- Ну, топай, топай, - Алла обратилась уже к знакомой физии. - Нет мест.

Тот шумно и протяжно вздохнул, шагнул к порогу, обернулся:

- Ну что ж мне, на вокзал идти жить?

- Милый мой, а я-то что сделаю? И вообще, ты о чём думал в сентябре? Вон, кому надо в августе уже беспокоятся, - Алла кивнула на Глеба.

Это правда. Он заявился одним из первых, ещё в середине августа. Ну там просто отец его достал до невозможности - как выпьет, так задалбливает муштрой. Вот и сбежал Глеб из дома пораньше.

К слову, сначала Алла разговаривала с Глебом без всей вот этой нежности. А когда он ляпнул вместо дежурного «здрасьте» какую-то шутку, посмотрела на него как на мебель,

которая внезапно заговорила. Определила его Алла в совершенно убитую комнату и в добавок пообещала в ближайшем будущем подселить ещё соседей.

Но в последних числах августа, когда только-только стали съезжаться студенты, полетела розеточная сеть на первом этаже. И выпало это несчастье на выходные. До штатного электрика дозвониться никак не получалось - загулял.

Комендантша ругалась благим матом на «бесполезного пропойцу», а заодно на каждого, кто под руку попадётся.

Глеб, который тоже попался, сначала огрызнулся ей, не жёстко - всё-таки женщина, в матери ему годится. Просто обозначил своё отношение к её крикам без разбору. Потом поднялся к себе, взял необходимые инструменты, вернулся, с часок поковырялся и - всё наладил, всё заработало. Так оно и пошло-поехало: постоянно что-нибудь ломалось, постоянно требовалась его помощь.

В благодарность комендант не стала никого к нему заселять, снабдила более-менее сносной мебелью и закрывала глаза на мелкие грешки. Ну и вот ещё он стал для неё «Глебушкой».

А Тошина он тогда просто пожалел.

- Алла Иванна, да пусть со мной проживёт, пока что-нибудь не подвернётся, - предложил Глеб, мысленно ругая себя за мягкотелость. Ну на черта ему этот чужой пацан? Не плевать ли, где он будет ночевать? Будет ведь мешать и, может, даже действовать на нервы.

Тем не менее когда Алла переспросила:

- Ты сейчас не погорячился?

Повторил:

- Да нет, пусть селится ко мне. Ничего, Алл Иванна. Потеснимся.

С Тошиным они жили до следующей осени. Со второго курса Тёме выделили койко-место по соседству, а Глеб вновь остался один.

Освоился тогда Тошин очень быстро. Не сказать, что обнаглел в конец, но от первоначальной застенчивости вскоре ничего не осталось.

Первое время Тошин и правда здорово мешал - шумный он, этот Тёма, суетливый, малость беспардонный. Своё, моё, чужое - для него таких понятий не существовало. Разве что зубной щёткой Глеба не пользовался, а в остальном - полнейшая простота нравов.

Но потом Глеб к его манере привык и даже скучал немного, когда тот съехал. Весело было с ним. Тошин вечно фонтанировал всякими дурацкими идеями, а иногда и не дурацкими.

Вот и сейчас они вдвоём ломали голову, как познакомиться с дочкой Фурцевой так, чтобы это выглядело чистой случайностью.

Будь он один, Глеб даже и думать о таком не стал бы. Во-первых, не мастер он плести интриги, продумывать тактические схемы, моделировать ситуации. Ему бы что попроще. И хотя опыт знакомства и общения с девушками имел

немаленький, но всё всегда происходило как-то легко и естественно, изобретать ни разу ничего не требовалось. А Тошин, хоть и не Макиавелли, конечно, соображал всё же лучше.

А во-вторых, сама затея до сих пор казалась Глебу безумством, пусть Тёма и уверял, что это очень даже жизненный вариант.

Поколебавшись, Глеб решил, что можно просто попробовать. Посмотреть, что получится, а не захочется - так никто же и не заставляет доводить дело до конца.

Ну и ещё был в этом какой-то азарт, что ли. Или интерес, отчего обыденная и однообразная жизнь заиграла новыми ощущениями.

Вчера они с Тошиным сбежали с последней пары и рванули на Халтурина, к художественному училищу. Сначала сидели в павильоне-забегаловке, удачно притулившемся к троллейбусной остановке, как раз напротив центрального входа училища, ровно через дорогу.

Долго сидели - съели по два пирожка с печенью, кофе обпились, обсудили красотку с рекламного щита, рассмотрели тщательно здание художки. Оно старинное и с точки зрения архитектуры очень любопытное, потому что стилей всяких понамешано, а смотрится внушительно и красиво.

Потом решили наведаться в само училище. Точнее, Глеб решил - ему надоело торчать на высоком табурете с крохотным сиденьем и пялиться неотрывно в окно. А Тошин про-

тестовал:

- Ты приметный. Она тебя пропалит, и вся наша затея накроется медным тазом.

- Да с чего она меня пропалит? Она меня не знает, я для просто незнакомое лицо в толпе.

- Ой да ладно прибедняться, будто сам не знаешь, что на тебя вечно девки оглядываются.

- Короче, или идём в художку, или я поехал в общагу.

Они вошли в вестибюль училища, который оказался несравненно меньше, чем у них в универе. Очевидно, ещё шли занятия, так как кроме охранницы на входе, которая пропустила их без особых возражений, в вестибюле болталось человек пять.

- Ну смотри, незнакомое лицо, - немного разозлился Тёма.
- Сам будешь виноват, если она тебя заметит, узнает и потом пошлёт.

- Да плевать, - отмахнулся Глеб. - Я бы вообще лучше б вон с той блондиночкой признакомился.

У стенда и правда крутилась стройная блондинка в короткой кожаной юбочке. Она, словно почувствовав заинтересованность Глеба, сразу оглянулась.

- Зачётная, - согласился Тошин.

Девушка оглядела их обоих: Тёму - бегло, Глеба - оценивающе.

Через несколько минут они узнали, что Алина - так звали девушку - учится здесь на втором курсе на дизайнера. У неё

вообще-то есть парень, но он немного надоед, а вечером и даже уже сейчас она абсолютно свободна, планов никаких. Фурцеву она знает, конечно. Тоже на втором курсе учится, только на живописи. Есть ли у неё имя? Сашка. Какая она? Ну... такая, короче. Ай да никакая. Ну вот реально ни-какая. Обычная ботанша, скучная и немного с приветом. Ни с кем не общается. Даже с такими же ботанами, как сама. В какой группе учится? В 2-А. Есть ли у неё парень? Издеваетесь? Разве у такой может быть парень? Разве на такую кто-то посмотрит? Ну разве что фрик какой-нибудь. А зачем им Фурцева? Просто так? Ну ладно.

Глеб не возражал бы пойти прогуляться с Алиной прямо сейчас - она так многообещающе на него смотрела, облизывала быстрым язычком пухлые губы, а ноги у неё вообще отпад, но Тошин не дал. Отташил в сторону, зашептал сердито:

- Блин, да нагуляешься ещё. Никуда эта Алина не денется. А тебе надо посмотреть, как выглядит дочь Фурцевой.

- Да не нуди ты.

- Я же для тебя стараюсь.

Перед Алиной пришлось извиниться, но номер телефона Глеб у неё всё же взял. Алина ему мило улыбнулась, стрельнула злым взглядом в Тошина и удалилась, покачивая бёдрами.

- Не, она, конечно, симпатная. Но видно же сразу, что коза, - фыркнул ей вслед Тошин. - Стерва каких поискать.

- Много ты понимаешь.

- Куда уж мне.

Когда тишину прорезал громкий, дребезжащий звонок, оба вздрогнули - отвыкли уже. В универе пары начинались и заканчивались просто по времени.

- Блин, как в школе, - хохотнул Тёма. - Давай, что ли, хотя бы куда-нибудь скроемся, чтобы она нас всё же не спалила.

Они отошли вглубь вестибюля и встали за широкой квадратной колонной, откуда просматривались и лестница, и гардероб. Не прошло и минуты, как вестибюль заполонили юные художники.

Тошин заметно напрягся, сосредоточился, прильнул к колонне, осторожно выглядывая из-за угла. Глеба же, наоборот, разобрал смех. Эти шпионские игры - оно забавно, конечно, но как-то глупо. Прямо детский сад какой-то.

Толпа постепенно схлынула.

- Может, проглядел я её? - озадаченно бормотал Тёма. - Или не было её сегодня? Надо было у той козы, Алины, побольше расспросить...

Глеб стоял, привалившись спиной и затылком к колонне. Руки сунул в карманы, он молчал, но всем своим видом показывал, как ему скучно.

- Блин, зря свалил с философии... - выругался Тошин. - Похоже, точно её сегодня не было.

- Ну и пойдём тогда. Может, вызвоним эту Алину и в какой-нибудь кафешке засядем? Пусть подругу позовёт.

- Ну, неплохо так-то. Можем, в «Домино»...

- В пиццерию? Неее, увольте. Хотя куда, только не в пиццерию...

- Что, наелся пиццы? - усмехнулся Тошин. Он тоже уже расслабился, шагнул из-за колонны и вдруг резко отскочил назад. - Тихо! Вон она! Вишь, у гардероба стоит?

- Угу.

Девушка, больше похожая на подростка, вытягивала пуховик из окошка гардероба.

И правда, она никакая: тёмно-русые волосы стянуты в небрежный хвост, лицо самое обычное, блёкленькое такое, увидишь и в ту же секунду забудешь, сама одета в безразмерный свитер горчичного цвета и тёмные широкие джинсы, на ногах - ботинки на плоской подошве.

Девушка надела тёмно-зелёный пуховик, в котором утонула, замотала шею длиннющим шарфом, сверху нахлобучила вязаную шапку колпачком.

Глеб приуныл.

Такие девочки ему не то что не нравились, он их вообще как противоположный пол не воспринимал.

- Смотри-смотри, Глебыч, на свою суженную, - прыснул Тёма.

- Тоха, не хочу я с ней знакомиться. Она же просто караул!

- Да ладно тебе. Ну не модель, да. Но объективно - не кривая, не косая, не уродливая.

- Не нравится она мне. Чучело какое-то.

- Ну тебе ведь на ней не жениться, так что выдохни.

После художественного училища Глеб с Тёмой поехали домой.

- Ты же хотел с Алиной... в кафе... подругу чтоб позвала, - напомнил Тошин.

- Расхотел, - мрачно буркнул Глеб.

Эта Саша Фурцева Глебу не понравилась настолько, что вообще на девушек смотреть сейчас не тянуло. Даже на таких соблазнительных, как Алина.

- Ну а чего ты ждал? Ты же мамашу её видел? - резонно заметил Тошин. - И к тому же, я предупреждал, что она не фонтан.

- Да там же не просто не фонтан, там откровенное чучело.

Они взяли "Жигулёвского" и вернулись в общежитие. По мере употребления разочарование жизнью отступало. И даже более - вновь возвращался азарт.

- Ну, посмотрел я на неё. А дальше?

- Дальше надо подстроить вашу встречу. Может, как-нибудь в кафе, в столовке...

- Нет-нет, только не там. Еда - это святое. Не хочу всяких ненужных ассоциаций потом. Да и как тут подгадаешь?

- Может, классику жанра замутим? Гопота её, типа, подловит, начнёт обижать, а тут ты, бесстрашный и могучий.

Разгонишь гопоту, спасёшь бедняжку и... она твоя навеки.

- Сплюнь!

Тёма в ответ только расхохотался.

- К тому же, где мы гопоту соберём?

- Так наших подобьём. Поставишь им пивасик за труды и все дела.

- Да не, - мотнул головой Глеб, - какой-то вариант этот сильно уж театральный и вообще заезженный.

- Так и заезженный потому что рабочий. Ну ладно, если не нравится, придумаем другое.

Но другое хоть и придумывалось, но отпадало сразу.

Столкнуться с Сашей Фурцевой где-то на нейтральной территории было бы, может, и хорошо, но как? Такая вряд ли ходила по клубам и прочим злачным местам. Где вообще её можно встретить, да так, чтобы знать об этом заранее? Снова подкараулить в училище? Это не сильно похоже на случайность.

- Приди к ней домой. Будто ошибся адресом, - предложил Тёма. - Или типа проверка газа. Или счётчиков.

- А если она меня когда-нибудь с мамашей захочет познакомиться? Она ей что скажет? Мама, это Глеб, он у нас счётчики проверял?

- Ну, так-то да... Слушай! Пиццу ей привези. Ну, типа, напутали с адресом. Помнишь, ты же рассказывал, что однажды такое было...

- Ну, было. Но должен же быть заказ от кого-то, и этот за-

каз оператор ещё должен отдать именно мне, а не кому-нибудь другому с нашей точки. Специально такое не подстроишь.

- Подстроишь-подстроишь. Вот смотри: купи сам пиццу в кафе на вынос да притащи ей, типа ты курьер. Позже, если встречаться станете, она узнает, что ты реально курьер в пиццерии и вообще все сомнения отпадут.

- А если она захочет позвонить в пиццерию и сказать, что ничего не заказывала? А ей ответят, что ей никто ничего и не привозил. Там же бланк заказа обязательно прилагается с адресом заказчика и контактами оператора.

- Пфф, тоже мне проблема. Что проще - распечатай просто левый бланк и телефон укажи, например, мой. И все дела. Только это... надо посмотреть, чтобы у Фурцевой тогда пары точно были. А то получится сюрприз.

- А где Фурцева живёт? - спросил Глеб.

Каким бы абсурдом ни казалась ему эта затея, но в одном она помогала точно: отвлекала внимание на себя и не давала терзаться мыслями о скором отчислении, о том, как всё это он расскажет матери, о том, как его призовут...

- Не знаю, - сморгнул растерянно Тошин. Однако почти сразу просиял: - У Иванова же двоюродный братеньник - мент. Помнишь, он говорил? Там же какие-то базы у них есть, можно спросить, пусть узнает адрес Фурцевой.

- Иванов вряд ли согласится. Он, так-то, очень себе на уме.

- Он, так-то, первый и придумал замутить с дочкой Фурцевой. Так что пусть помогает теперь.

Иванов и правда сумел узнать адрес через своего родственника.

Сначала, правда, покочевряжился, мол, напрягать лишний раз человека не хочется, но уступил. И тот всё сделал. Причём поразительно быстро, в течение часа, и не попросил никаких благодарностей в виде... в любом виде. Просто скинул смской и всё. Вот так просто.

Фурцева, как выяснилось, проживала на Площади Декабристов в старом, ещё сталинской постройки доме.

Дело оставалось за малым, как сказал Тошин, - проникнуть на вражескую территорию. И так, чтобы Фурцева-старшая наверняка отсутствовала, а младшая, наоборот, наверняка была дома.

Впрочем, это как раз оказалось не сложным. Анна Борисовна на работе практически жила, а дочь её, отучившись, сразу бежала домой, никуда не сворачивая. И потом весь день носа не показывала, безвылазно торчала в квартире на четвёртом этаже - Глеб с Тошиным перед «основной операцией» немного понаблюдали за "объектом".

В день икс Глеб накинул поверх чёрного бомбера позаимствованную на работе ярко-оранжевую жилетку с логотипом Fox Pizza, прикупленную по пути пиццу сунул в фирменный

бумажный пакет, а к пакету пришил степлером распечатанный бланк заказа с номером Тошина.

Тёма увязался следом. Всё равно не смогу, сказал, усидеть на месте.

Его энтузиазм последние дни несколько утомлял Глеба, но одному идти в логово безумной Фурцевой было слегка не по себе, так что противиться компании он не стал, наоборот, был рад. К тому же, тот мог покараулить возле дома на случай, если вдруг гримза заявится раньше времени.

Около пяти вечера оба подъехали к Площади Декабристов. Пока шли до дома Фурцевой, Тошин как мог подбадривал Глеба.

- Ты сейчас вообще забудь, что она там чья-то дочка... Ты сейчас просто пицценок, у тебя заказ, ты тупо его выполняешь. Всё, как обычно - едешь к заказчику.

- Угу, на трамвае, - усмехнулся Глеб.

- Да пофиг. Настройся.

- Ну всё, всё, настроился.

Ожидать у подъезда пришлось совсем недолго - какой-то мальчишка-школьник с огромным рюкзаком возвращался домой из школы и впустил Привольнова.

Глеб торопливо взбежал на четвёртый этаж. Лифта в доме не имелось.

Азарт пропал, зато возникло вдруг нехорошее предчувствие. Хотелось развернуться и уйти. Но это будет как-то трусливо, что ли, подумал он и шагнул на просторную пло-

щадку, оглядывая двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.